

Частное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Русская христианская гуманитарная академия

На правах рукописи

КАПИЛУПИ Стефано Мария

**ИСКУПЛЕНИЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. МАНДЗОНИ И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТИКИ И ПОЭТИКИ**

Специальность 10.01.01 - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена на кафедре зарубежной филологии и лингводидактики ЧОУ ВО «Русская христианская гуманитарная академия».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор кафедры маркетинга и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
Нетужилев Константин Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы Санкт-Петербургского государственного университета
Фокин Сергей Леонидович

доктор филологических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры
Пономарев Евгений Рудольфович

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Защита диссертации состоится «__»_____2018 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Автореферат разослан «__»_____201 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

Имена Алессандро Мандзони и Федора Михайловича Достоевского стали воплощением явленного в художественном слове национального самосознания своих культур – итальянской и русской. Высокий авторитет этих авторов в глазах современников объяснялся их включенностью в жизнь современного общества и той высокой степенью актуальности и серьезности проблем, на которые писатели откликнулись своим творчеством.

Принадлежа фактически (в силу хронологических особенностей развития романтизм и реализма) к разным литературным направлениям, А. Мандзони (1785–1873) и Ф. М. Достоевский (1821–1881) являлись в прямом смысле современниками. Однако не только сходство ролей в национальной культуре позволяет поставить этих двух литераторов рядом в одном исследовании: обращают на себя внимание некоторые идентичные повороты в их биографиях и общие аспекты психологического склада.

Мандзони для итальянцев – великий романист, чей вклад в развитие литературного итальянского языка нередко сопоставляют с вкладом Данте Алигьери. Как и Достоевский, Мандзони был увлечен идеями Просвещения и так же пережил момент особого духовного переворота, хотя и не при столь драматичных обстоятельствах, которые имели место в жизни Достоевского.

Творчество для обоих авторов стало их духовной миссией, обращенной не только к современникам, но и будущим поколениям. Мандзони создает исторические драмы и роман «Обрученные», посвящая эти произведения переломным моментам итальянской истории. В намерении укрепить свой народ в национально-освободительной борьбе писатель задается вопросами, не допускающими скорого и однозначного разрешения: его волнует соотношение судьбы героя и исторического процесса, феномен нравственного переворота в душе человека и вопрос о роли Божественного Провидения в истории. Достоевский исследует истоки духовного кризиса российской жизни, изображая перед читателем в основном портреты своих современников, однако эта галерея сегодня прельщает исследователей не своей хронологической атрибуцией, а глубиной проникновения автора в тайну души не только в национальном, но и в подлинно гуманистическом, общечеловеческом ракурсе.

Откликом на непростые духовные поиски для обоих авторов стало осознанное обращение к христианству. Очевидно, что на фоне религиозного мировоззрения двух авторов лежит глубокий резонанс христианского трагизма Блеза Паскаля. Поэтому в их произведениях затронуты важнейшие вопросы бытия, проблемы отношения человека с

Богом и спасения человека через покаяние, страдание, искупление. Выражением этих тем в романной прозе писателей становятся сюжеты об обращении грешника к Христу и о «грешном святом»¹.

Русскому читателю роман А. Мандзони «Обрученные» был известен почти сразу после своего выхода в свет в Италии, когда в толстых журналах сначала печатались его отрывки и рецензии на него (1827), а затем появился и первый перевод на французский язык (1828). В конце XIX в. роман Мандзони был вновь прочтен через призму достижений русской романной школы И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В свою очередь и итальянские читатели были готовы любить Достоевского прежде всего именно потому, что знали Мандзони.

Многое говорит о возможности, что Достоевский, как некогда и А.С. Пушкин (сюжетные пересечения с романом Мандзони присутствуют в «Капитанской дочке»), черпал вдохновение для «Братьев Карамазовых» в «Обрученных», которых мог прочесть в издании на французском языке. Однако даже если прямого знакомства с романом итальянского автора не состоялось, известно, что Ф.М. Достоевский в 1873 г. публикует в газете-журнале «Гражданин» отклик на серию статей «Наши монастыри» из петербургского либерально-славянофильского журнала «Беседа» за 1872 г. (№ 3–8, 10–11). Речь идет о номерах того же журнала, в котором критик С.А. Никитенко опубликовала обширную статью об «Обрученных» Мандзони с переводом двух длинных фрагментов об обращении Безымённого и чуме в Милане. Именно эту рецензию Достоевский с большой вероятностью мог прочесть. Примечательно, что момент выхода статьи совпадает с тем периодом, когда Достоевского особенно вдохновляли и волновали темы старчества, прямого и близкого общения народа с представителями церкви, что можно заключить даже из рецензии на статьи «Наши монастыри». В 1862 г. Достоевский формулирует пронизывающую идею всего искусства XIX столетия: «восстановление погибшего человека, задавленного несправедливым гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков»². Роман «Братья Карамазовы» стал итоговым словом писателя в его бесконечном служении «тайне человека».

Выбор темы диссертационного исследования обусловлен, прежде всего, тем

¹ Житие «грешного святого» рассказывает о святом, пришедшем «к вершинам святости из бездны нравственного падения» (Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе / Отв. ред. чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановская. М.: Индрик, 2010. С. 7). Введенное в российское литературоведение М.Н. Климовой условное обозначение персонажей «грешный святой» является калькой с немецкого термина «der sündige Heilige», предложенного первооткрывателем темы Э. Дорном (Dorn E. Der sündige Heilige in der Literature des Mittelalters. München, 1967).

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 20. С. 28.

фактом, что религиозная проблематика, лежащая в основании художественных миров Алессандро Мандзони и Ф.М. Достоевского, будучи объектом научного осмысления как в Италии, так и в России, не получала совокупного анализа в контексте диалогических связей, существующих между русским и европейским романом XIX века. Ввиду этого взгляд на пространство литературных традиций России и Европы как на порождение христианского мира, устремленного к «внутреннему общению», представляется особенно **актуальным**.

Объектом диссертационного исследования является романное творчество А. Мандзони и Ф. М. Достоевского как знаменательное явление художественной литературы XIX века в Европе и в России.

Предметом диссертационного исследования является поэтика и сюжетика романов «Обрученные» и «Братья Карамазовы» в тематических контекстах, связанных с осеменяющими жизненный путь героев феноменами Божественного Провидения и искупления.

Цель диссертации – выявление возможных пересечений в художественных системах А. Мандзони и Ф.М. Достоевского с типологическим сопоставлением поэтической и сюжетной линий романов «Обрученные» и «Братья Карамазовы», где объединяющими аспектами являются роль Провидения в судьбе героев, их пути к самосознанию, к искуплению греха и спасению.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- в сопоставительном ракурсе определить религиозные и нравственные ориентиры А. Мандзони и Ф.М. Достоевского и на основе данной систематизации дать характеристику концепциям христианского спасения в художественных системах двух писателей;

- ретроспективно осветить восприятие творчества А. Мандзони в России и выявить возможное влияние романа «Обрученные» на образную систему романа Достоевского «Братья Карамазовы»;

- проанализировать концепцию романа «Братья Карамазовы» как итог воплощения автором теодицеи и антроподицеи, выраженных в художественной форме;

- выявить формы, свойственные мотивам присутствия Божественного Провидения в исследуемых романах, и сопоставить образно-символическое наполнение этих мотивов;

- исследовать особенности воплощения сюжетной ситуации встречи «грешника» (злодея) и «святого» (подвижника, праведника), феномен духовного переворота героя, а также роль святого подвижника и невинной души в совершении этого переворота;

- сопоставить на примере сюжета об исправившемся грешнике («грешном

святом») образные пересечения в сюжетной канве двух романов;

- исследовать поэтику искупления в романах А. Мандзони и Ф.М. Достоевского как проблему общехристианского мировоззренческого контекста.

Материалом диссертационного исследования являются в первую очередь романы «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Обрученные» А. Мандзони. В качестве дополнительных источников выступают романы «Бесы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Подросток», отдельные рассказы, статьи, а также дневники, записные книжки (1860-1881) и корреспонденция писателя (1832-1881).

Методология и методы исследования. Исследовательский подход данной диссертации лежит на пересечении герменевтики и рецептивной филологии. В работе используются сравнительно-исторический и структурно-типологический методы, основанные на классических и современных исследованиях по исторической и теоретической поэтике (А. Н. Веселовский, Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, Е. М. Мелетинский, И. Клейн), а также приемы сюжетно-мотивного и сопоставительного анализа текстов.

Степень изученности проблемы. Поскольку в проблемном поле исследования оказываются сразу два писателя, русский и итальянский, вопрос о степени разработанности темы изначально приобретает межкультурный разворот.

Путь постижения духовного мира автора невозможен без приближения к вопросу его религиозных убеждений. Христианский контекст произведений Достоевского анализировался уже его современниками, причем среди участников полемики – как представители интеллигенции, русские писатели и философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Вересаев, Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Вл. Соловьёв, Л. Шестов, так и деятели православной церкви: митрополит Андроний (Храповицкий), протопресвитер Иоанн Янышев, архимандрит Иосиф, приват-доцент Иван Яхонтов, протоиерей Философ Орнатский³. Мысль о концепции христианского спасения, присутствующей в произведениях Достоевского, непременно находила место в работах русских ученых и богословов последующих поколений (о. Василий (Зеньковский), Н.О. Лосский, К.В. Мочульский, С.И. Фудель), которые видели в писателе прежде всего религиозного мыслителя и философа и вследствие этого уделяли недостаточное внимание эстетической и поэтической составляющим его наследия. «Центральное значение идеи спасения в христианстве нужно непременно иметь в виду, чтобы понять диалектику духовных исканий и философских построений Достоевского, – писал В.В. Зеньковский. – Эта диалектика определяется двумя исходными темами –

³ См.: Ф.М. Достоевский и Православие. М.: Отчий дом, 1997. 318 с.

темой о падении человека и темой его спасения и восстановления. Эти две темы как бы две главы из христианской антропологии – одна предполагает другую, вернее, одна сопряжена с другой, ибо только в своем сочетании они раскрывают христианское учение о человеке».⁴

Для советского периода изучения творчества Достоевского было, напротив, характерно более детальное внимание к проблемам поэтики и сюжетики, в то время как религиозные вопросы либо вовсе не затрагивались, либо не выносились на передний план. Если ближе к последней трети XX века это разделение уже не было столь категоричным, то более ранние исследователи (Л.П. Гроссман, М.М. Бахтин, В.Ф. Переверзев, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт) были вынуждены с ним считаться. Среди первых работ о поэтике Достоевского отдельного упоминания заслуживает труд М.М. Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского»), который в совокупном рассмотрении с философскими сочинениями ученого входит в сопоставление (методологическое и идеологическое) с кругом вопросов, разрабатываемых еще русскими религиозными философами, в частности, Вяч. Ивановым.

Предречение Бахтина от том, что «Достоевский еще не стал Достоевским, он только еще становится им»⁵, что влияние этого автора на литературу не достигло своей кульминации, и совершенный им художественный переворот не осознан сполна, находило все больше подтверждений в возрастающем в России и за ее пределами интересе к наследию Достоевского. Перед современным литературоведением с конца прошлого века все отчетливее вставала проблема недостаточной изученности именно в едином ключе эстетических и мировоззренческих аспектов творчества писателя. Безусловный вклад в понимание Достоевского как мастера художественных форм наряду с углублением в религиозную проблематику, заложенную в эти формы, внесли такие русские ученые, как В.Е. Ветловская, Л.П. Гроссман, А.С. Долинин, В.Н. Захаров, Т.А. Касаткина, Г.С. Померанц, Б.Н. Тарасов, Ф.Б. Тарасов, Б.Н. Тихомиров, Г.К. Щенников, Г.М. Фридлендер; интересны освещающие различные религиозные вопросы достоевковедения отдельные монографии и статьи Н.В. Балашова, В.В. Борисовой, Н.Ф. Будановой, А.М. Буланова, протоирея Дмитрия Григорьева, Г.Г. Ермиловой, И.А. Есаулова, И.А. Кирилловой, В. Лепихина, архим. Августина (Никитина), Р.Н. Поддубной, К.А. Степанян и др. Особенно близки теме данного исследования фундаментальная

⁴ *Зеньковский В.В.* Проблемы красоты в мирозерцании Достоевского //Путь. №37. Париж, 1933. С. 39.

⁵ *Бахтин М.М.* К переработке книги о Достоевском // М.М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. Киев: «Next», 1994. С. 191.

работа Б.Н. Тихомирова⁶ и кандидатская диссертация С.Л. Шаракова, посвященная христианской идее спасения в мотивах романа «Братья Карамазовы»⁷.

Христианская основа произведений Достоевского и отдельные аспекты религиозных воззрений писателя в последнее время привлекают многих зарубежных исследователей. Так, в своих публикациях к пересмотру проблемы христианской концепции Достоевского в романе «Идиот» обращается венгерский исследователь В. Лепяхин⁸. Большой вклад в изучение религиозной составляющей последнего романа Достоевского внесли такие британские ученые, как С. Сатерленд, М. Джоунс, Д. Томпсон⁹; в этой же связи интересна полемическая работа американского философа Стивена Касседи¹⁰. Духовному пути Достоевского и анализу его героев в свете христианской традиции посвящено диссертационное исследование Я. Эриксона (Швеция); его соотечественник М. Хюсс посвятил свою книгу разбору сюжета романа «Братья Карамазовы» в теологическом аспекте в сопоставлении с личным экзистенциальным опытом писателя¹¹. Польский теолог Д. Ястжемба в своей диссертации опровергает довольно распространенное убеждение в яркой антикатолической и антизападной позиции Достоевского, по мнению исследователя, писатель был в широком смысле проповедником ценностей христианской религии¹². В Италии среди исследований последних двух десятилетий можно отметить как особо ценные философскую работу Л. Парейсона, филологические изыскания Ч. Дж. Де Микелиса, посвященные анализу фигуры дьявола в романах Достоевского, Д. Гини – о мотиве библейского Иова в романе «Братья Карамазовы», монографию С. Сальвестрони, посвященную библейским и святоотеческим источникам романов Достоевского, где «Братьям Карамазовым» отведена отдельная глава¹³.

⁶ Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии. Дис. д-ра филол. наук. СПб.: Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, 2006. 567 с.

⁷ Шараков С.Л. Идея спасения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2006. 176 с.

⁸ Лепяхин В. Христианские мотивы в романе Достоевского «Идиот». Дис. ... PhD / Университет Аттила Йожефа. Сегед, 1983. *Он же*: Достоевский: икона и образ // Икона в изящной словесности. Икона, иконопись, иконописцы, иконопочитание и иконные лавки в русской художественной литературе XIX — начала XX века. Szeged, 1999. С. 191-217.

⁹ Sutherland S.R. Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and «The Brothers Karamazov». Oxford, 1977, Jones M.V. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. L., 2005, Thompson D.O. «The Brothers Karamazov» and the Poetics of Memory. Cambridge, 1991. См. также на русском языке: Томпсон Д.О. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер. Н. М. Жутовской. СПб., 2000.

¹⁰ Cassedy St. Dostoevsky's Religion. Stanford, 2005.

¹¹ Erixon J. Någon besökte min själ: Dostojevskijs andliga resa. Örebro, 2004; Huss M. Vetekornets väg: utblottelse hos Dostojevskij och i romanen «Bröderna Karamazov». Skellefteå, 2008.

¹² Jastrzab D. Duchowy świat Dostojewskiego. Kraków, 2009.

¹³ Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1993; De Michelis C. G. Il diavolo di Dostoevskij // Il diavolo e l'Occidente. Brescia, 2005. P. 117-130; Ghini G. Il simbolo «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F. M. Dostoevskij: tra connotazione ed ermeneutica // Lingua e stile. 1987. Vol. XXII, N 1. P. 91-

При очевидном многообразии подходов и исследовательского материала в современной филологии многие проблемы, связанные с пониманием эстетических и теологических реалий творчества Достоевского, пока не находят единого решения и остаются дискуссионными. Немалая часть публикаций обращается к области сравнительного литературоведения с целью анализа вероятных источников произведений писателя или его влияния на мировую литературу, общественную и религиозную мысль. Имя Достоевского в Италии впервые упоминается уже в 1869 г. в отдельной статье неизвестного автора «Достоевский и его произведения» в журнале «Rivista contemporanea»¹⁴. Однако подлинное открытие Достоевского как мыслителя и художника в Италии оказалось довольно затяжным и многоэтапным процессом. На заимствования сюжетов, мотивов и образов Достоевского некоторыми итальянскими писателями XX века (Г. Д'Аннунцио, Г. Деледда, Л. Капуано) обращали внимание как итальянские, так и русские филологи¹⁵. Однако исследования, посвященные параллелям религиозно-эстетического и сюжетно-поэтического толка в произведениях Достоевского и Мандзони, отсутствуют. История критики и всестороннего изучения творчества Алессандро Мандзони на родине писателя насчитывает уже около полутора веков. При этом вопросы о религиозном характере его художественного мира, как и в случае Достоевского, предстают полемически насыщенным блоком, в который значительный вклад внесли такие исследователи, как Р. Америо, Дж. Ачербони, Ф. Д'Алессандро, Э. Де Микелис, Ф. Де Санктис, А.К. Джемоло, П. Ди Сакко, Ф. Казавола, С. Калцоне, Дж. Кили, Л. Коломбо, У. Коломбо, Дж. Ланджелла, Г. Мелли, Дж. Палмента, Л. Паризи, П. Пиовани, Д. Растелли, Э. Риамонди, Ф. Рицци, Л. Руссо, Ф. Руффини, Ф. Уливи, Э. Ферреччо и др. Интерес к наследию итальянского романиста дал свои научные плоды и в России, где наиболее разработанной темой межлитературных связей является параллель А. Мандзони и А.С. Пушкина (В. Александров, Н.М. Белова, Н.Л. Дмитриева, Н.П. Прожогин, М.Н. Розанов). Тема религии у Мандзони в публикациях русских литературоведов (А.А. Акименко, И.П. Володиной, И.К. Полуяхтовой, Б.Г. Реизова, Е.Ю. Сапрыкиной, Н.В. Шварца, А.Л. Штейна) подробно не затрагивается.

118; *Id.* Figura ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // *Intersezioni*. 1988. Vol. VIII, N 3. P. 511-541; *Salvestroni S.* Dostoevskij e la Bibbia. Magnano, 2000. См. также: *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001.

¹⁴ *A...ff M.* Nostra corrispondenza letteraria: Dasztaievsky e le sue opere // *Rivista contemporanea*. 1869. Agosto. P. 271-277.

¹⁵ *Paratore E.* D'Annunzio e il romanzo russo // *Nuovi studi dannunziani*. Pescara, 1991. P. 150-168; *De Michelis C. G.* D'Annunzio, la Russia, i paesi slavi // *D'Annunzio europeo*. Atti del convegno internazionale: Gardone Riviera – Perugia, 8–13 maggio 1989. A cura di P. Gibellini. Roma, 1991. P. 317-327; *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 168-175; *Колуччи М.* Достоевский и итальянская культура // *Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983; *Володина И.П.* Проблема преступления и наказания в итальянской литературе на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. 1990. Вып. 1. С. 32-39.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней 1) впервые предпринята попытка дать в сравнительном ключе системную характеристику концепции христианского спасения в творчестве Ф.М. Достоевского и А. Мандзони; 2) выявлены образно-сюжетные пересечения в романах «Братья Карамазовы» и «Обрученные»; 3) проанализированы мотивы присутствия Божественного Провидения, сюжеты встречи «грешника» и «праведника», феномен духовного переворота в герое, сюжет об исправившемся грешнике; 4) поэтика искупления в творчестве русского и итальянского авторов исследована в диалогическом ракурсе и едином контексте христианской этики.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его основные выводы и положения расширяют сферу межлитературных и межкультурных связей художественного наследия Ф.М. Достоевского, освещают и интерпретируют новые параллели в нравственно-религиозной, поэтической и сюжетной канве романа «Братья Карамазовы», намечают дальнейшие перспективы изучения «христианского текста» в творчестве писателя.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее научных результатов при чтении курса лекций по истории русской литературы, а также зарубежной литературы и сравнительному литературоведению, в качестве материалов для специальных учебных курсов, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, в том числе междисциплинарного характера (философия, теология).

Апробация. Концепция и основные положения диссертации обсуждались на научных конференциях и семинарах, среди которых: 1) Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Номо Локуенс: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира». 6–7 апреля 2017 г.; 2) Международная философская конференция «Русский логос: горизонты осмысления», г. Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г.; 3) XVII Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге, 24–27 мая 2017 г.; 4) Международная научно-практическая конференция «Номо Локуенс: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира», 4 апреля 2016 г.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Сравнение сюжетных линий и поэтических структур романов Ф.М. Достоевского и А. Мандзони раскрывается в более широком противопоставлении «катастрофической» поэтики Достоевского (М.М. Бахтин, Д. Лукач, Дж. Ди Джакомо), предвосхищающей во многом психологизм современной литературы, и исторической поэтики «Обрученных» Мандзони как образца классического европейского романа. В результате анализа поэтических структур рассматриваемых произведений в качестве ведущей

характеристики отмечен так называемый провиденциализм А. Мандзони, в противовес которому выступает циклическая незавершенность времени и авторская сопричастность истории и героям у Ф.М. Достоевского. Итальянский писатель выступает как автор-демиург, решительно ведущий своих героев от конкретного начала к более или менее определенной развязке по линейному развитию времени; Достоевский, напротив, не фиксирует завершенность повествования даже в эпилоге, как автор он присутствует рядом со своими героями, раскрывая их вечный облик скорее через их высказывания, чем через какие-то их «окончательные» решения.

2) Предпринятое в настоящем исследовании сопоставление двух авторов и соответственно двух романских структур позволяет не только осмыслить новый процесс европейского литературного канона, начинающийся в конце XIX века, а также выявить объединяющие черты творчеств двух авторов: переход от романтизма к реализму, акцент на этическую сторону реализма в большей мере, чем на социальную, христианская традиция в диалоге с сознанием человека XIX века, «доконстантиновское» видение отношений между властью и церковью, восприятие памяти в духе христианского трагизма Паскаля или даже паулинизма, отсылающее к *Deus Absconditus* ап. Петра, а также значимость ролей Ф.М. Достоевского и А. Мандзони в становлении национального сознания для русской и итальянской культур.

3) Понятие «провиденциализм» в данном исследовании принимает наполнение как идеологическое (непосредственно материал литературных произведений), так и поэтическое, относящееся к структуре. Последнее подразумевает опять же различие в плане литературного хронотопа, линейного исторического и «мыслящего» – у Мандзони, и философского, пространственного, «катастрофического», замкнутого и бесконечного между смыслом и отсутствием смысла – у Достоевского. Исходя из этого, проблема сопоставления двух авторов лежит также в русле поэтического материала, а точнее – в религиозном понимании явления Божественного Провидения как такового в христианской культуре и его индивидуального авторского толкования у двух писателей. Исторически авторство христианской концепции о Провидении восходит к Северину Боэцию и его «Бог видит и провидит» («Утешение философией»), где понимание самого Провидения рождается скорее уже из внутреннего смысла, а не приходит как нечто внешнее: Бог «вмешивается» в события жизни не тем, что освобождает философа из заточения, а тем, что дарует ему утешение духа. И у Мандзони, и у Достоевского, отталкивающихся так или иначе от опыта теодицеи Лейбница и одновременно сарказма Вольтера, значение Провидения соотносится с конкретными поэтическими дилеммами: Бог допускает страдание и горе праведников, чтобы даровать

им в будущем большую радость (например, отрывок из «Обрученных» «Прощайте, горы...»)? Могут ли и впрямь вечные гармония и благоденствие будущего хоть как-то оправдать бессмысленное страдание невинного ребенка, растерзанного на глазах матери (из речи Ивана Карамазова к Алёше в V главе «Братьев Карамазовых»)?

4) В своих различиях поставленные авторами проблемы поэтики наиболее очевидно выстраиваются в идеологическое противоречие в романе «Обрученные» А. Мандзони и «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Итальянский писатель, по сути, не выходит за рамки традиции европейского романа в интерпретации Божественного Провидения. Достоевский в свою очередь в диалоге между Алёшей и Иваном и текстом в тексте, «Поэмой о Великом инквизиторе», создает картину «перевернутой» теодицеи, где память оказывается человеку дороже, чем гармония, где Христос вновь сходит с креста, недостижимого и невыносимого для людей на земле, сходит, чтобы поцеловать «икону» современного человека, ослепляющую своими противоречиями.

5) Несмотря на эти различия, в текстах обоих авторов, носителей христианской веры, присутствует характерный свет надежды. У Достоевского он сконцентрирован в «эпilogе» романа, где слова Алёши, обращенные к детям, пораженным смертью маленького Илюши, перефразировав, можно собрать в формулу «да вспомним (по мысли Ивана), но и восстанем ... из мертвых». Это «Непременно восстанем, непременно увидим» и завершает роман, оставшийся по факту незавершенным также в связи с смертью самого автора. У Мандзони спасительная роль отведена определенным встречам, которые происходят между персонажами романа (между Лючией и Безыменным, доном Родриго и Фра Кристофоро, Безыменным и кардиналом Борromeо). Эти встречи говорят об озарении разума, об обретении надежды, оказывающейся куда более значимой, чем сам по себе финал повествования, оптимистичность которого при более глубоком анализе подвергается сомнению.

б) Другой точкой сближения между русским и итальянским писателями становится явление, названное в диссертации «эсхатологическим антиномизмом». Жизнь человека по природе своей это незавершенное состояние, замыкание смысла и бессмысленности даже в чисто христианском понимании. Надежда на свершение и страх о окончательной незавершенности отведены на самую человеческую смерть. Верующий человек принимает истину присутствия Царствия Божьего, истину спасения и победы над смертью как несвершенное и свершившееся ("уже" и "ещё нет"). Христос умер и воскрес, но Он придет вновь, по символу общей христианской веры, так что смерть еще торжествует, хотя ее "больше не будет". Эта эсхатологически-антонимичная истина разрушает любое однозначное определение действительности, любое упрощение, данное

разумом и памятью человека. Человеческий разум незавершен как и самое человеческое тело (его память) и сама вся действительность. Другой действительности, *пока*, нет. Оба автора остаются приверженцами и продолжателями Агонии Христа в прочтении Паскаля, где Пафос в большей степени, чем Логос определяет родство между Богом и человеком. В этом смысле творчество Достоевского оказывается вершиной мысли христианского трагизма. Русский писатель создает тот реальный горизонт диалога верующих и неверующих, к которому стремился и Мандзони, поднимая в нем фундаментальные темы свободы и судьбы человека.

7) Результаты сравнительного анализа, предпринятого в данном исследовании расширяют в целом поле компаративистики европейского романа XIX века, выявляя и аргументируя возможность влияния романа «Обрученные» А. Мандзони на замысел сюжетных линий в процессе создания последнего романа Ф.М. Достоевского.

Структура работы обусловлена постановкой основной проблемы и последовательностью решения исследовательских задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В *первой главе «Религиозные основания поэтики Ф. М. Достоевского и А. Мандзони»* на основании биографических фактов, материалов источников и широкого круга исследовательской литературы проведены анализ и систематизация религиозно-этического наполнения художественных миров двух писателей. Эти миры рассматриваются в диахроническом диалоге как пересекающиеся пути последовательного воплощения целостной концепции, которая сосредоточена на проблеме спасения человека через веру в Бога. Попытка единовременного обращения к двум авторам, столь значительным для своих родных культур, отнюдь не ограничивается задачами компаративистики. Пример исследуемых произведений демонстрирует, как их поэтическая и сюжетная основы в равной мере вплетены в канву общефилософских вопросов, смыкающихся в единый текст вселенского страдания, сомнения, веры и индивидуального, неповторимого пути к Богу для каждого героя.

Первый параграф «Романтические начала реализма и духовные истоки прозы А. Мандзони и Ф. М. Достоевского», имеющий отчасти вводный характер, содержит и концептуально значимую нагрузку, поскольку именно в нем в сопоставительном ракурсе определяются религиозные и нравственные ориентиры двух исследуемых авторов. Характерное устремление к истокам чистого христианства как *всечеловеческой* религии и национально утвержденного статуса «пророка», сопутствующий в равной мере двум

писателям, позволяют обратить внимание на близость целей и принципов творческого служения Манцони и Достоевского. Оба автора охвачены единым, трагическим, не знающим конфессиональных разделений, чувством переживания за судьбу человечества.

Проблематика Манцони фокусируется вокруг магистрального концепта истории, в то время как Достоевским на передний план выведена философская риторика. В широком смысле нюансы различия могут быть сведены к проблемам авторского взгляда на *историю* и *время*. Очевидно, что и тот и другой критерий имеет прямую связь с религиозным подтекстом, и хотя данный подтекст (христианский) в какой-то мере един для обоих авторов, различия тем не менее четко прослеживаются.

Во-первых, несовпадение фиксируется в позиции рассказчика. У Манцони она преимущественно «внешняя»: именно голос автора выстраивает линию повествования, то есть тот лабиринт взаимоотношений между персонажами истории и действием Божественного Провидения. Позицию Достоевского, прибегая к терминологии М.М. Бахтина, можно назвать «участной»: формально будучи внешним наблюдателем, автор непрестанно пребывает рядом со своими героями и читателем. Личностный аспект в поэтике писателя обретает даже концепции греха и святости.

Во-вторых, расхождение отмечается в толковании времени. Повествование Манцони следует линейной схеме; финал, хоть и оставляет перед читателем неразрешимые вопросы, все же обозначает логическое завершение рассказанной истории. Время Достоевского – это измерение катастрофическое, в его поэтике оно становится пространством.

Итальянский автор в некотором смысле намечает ту мысль, которая у Достоевского позже обернется чистой поэтикой: истинное значение Провидения вне всяких ожиданий и толкований, присущих человеческому разуму, выражается лишь в единственной для человека возможности прикоснуться к тайне Христа. Мировоззренческое сближение отмечается также в антиномическом восприятии жизни, в религиозной созвучности Августиному Блаженному и Б. Паскалю.

Во втором параграфе «Рецепция и осмысление творчества А. Манцони в России» проведен историографический обзор разноплановых материалов (рецензий, переводов, научных статей), в которых затрагивается тема знакомства русского читателя с творчеством Манцони. Ретроспективно проследив путь вхождения итальянского поэта и романиста в русскую культуру с момента первых публикаций отрывков его романа (1825 – 1827 гг.) вплоть до того времени, когда фигура Манцони могла привлечь к себе внимание Ф.М. Достоевского, можно предполагать, что русский писатель имел возможность знакомства (прямого или опосредованного) с романом «Обрученные».

Соответственно некоторые пересечения сюжетных линий в «Братьях Карамазовых» и «Обрученных» (юность старца Зосимы и фра Кристофоро, образ и история Безымённого в сопоставлениями с набросками и планами «Жития великого грешника», сделанных Достоевским в трех рабочих тетрадях), могли носить не абсолютно случайный характер. Так или иначе, принципиальным в этом контексте остается факт идейной переклички между двумя писателями, пусть даже произошедшей совершенно независимо, подчиняясь в определенной мере самобытным культурным сценариям, своеобразию национальных и социальных черт.

В 20-30-е гг. XIX в. в литературных кругах отмечается живой интерес к роману «Обрученные», а статьи, где с различных позиций рассматривалось творчество Мандзони, постоянно появлялись в толстых журналах как Москвы, так и Петербурга до 70-80-х гг. Ф.М. Достоевский в 1873 г. публикует в газете-журнале «Гражданин» отклик на серию статей «Наши монастыри» из петербургского либерально-славянофильского журнала «Беседа» за 1872 г. (№ 3–8, 10–11). Речь идет о номерах того же журнала, в котором критик С.А. Никитенко опубликовала обширную статью об «Обрученных» Мандзони с переводом двух длинных фрагментов об обращении Безымённого и чуме в Милане. Анализ работы Никитенко в параграфе отведено особое место в связи с тем, что именно эту рецензию Достоевский с большой вероятностью мог прочесть и соответственно обратить внимание на то, какое значение для итальянского автора имели проблема памяти, надежды и искупления в душе великого грешника, а также тайна Провидения в мировой истории, делающей жертвами одной катастрофы как праведников, так и грешников. Примечательно, что момент выхода статьи совпадает с тем периодом, когда Достоевского особенно вдохновляли и волновали темы старчества, прямого и близкого общения народа с представителями церкви, что можно заключить даже из содержания статей «Наши монастыри».

Обзор современной русскоязычной исследовательской литературы по творчеству Мандзони позволяет отметить, что на протяжении долгого времени в подходе к итальянскому автору со стороны русских критиков прослеживалось некоторое предубеждение. Причиной тому были прежде всего итальянские прокатолические трактовки Мандзони, сводящие основной вклад автора к проповеди католической морали. Различные ярлыки, преследующие имя автора в работах советского периода, к сожалению, лишали взгляд на его творчество должной объективности. Кроме того, по сей день все подходы к наследию Мандзони сводятся к рассмотрению исторического аспекта, социального или нравственного подтекстов его романа, а тема христианской концепции еще никогда не становилась действительным объектом анализа.

В третьем параграфе «Роман “Братья Карамазовы” как основной итог теодицеи и антроподицеи Ф. М. Достоевского» богословская проблема антроподицеи, оправдания человека, рассматривается как воплощенная Достоевским концепция поиска индивидуального пути спасения героя. Такие герои Достоевского, как Кириллов и Дмитрий Карамазов восклицают: «Меня Бог всю жизнь мучил...», – что в свою очередь напоминает об «агонии» Христа, которая у Паскаля понимается этимологически точно, как «борьба», как обращенный к человеку призыв не дремля ожидать Второго Пришествия Христа. Известно, что еще в юности Достоевский в письме брату Михаилу определил главную цель своей не только писательской, но и человеческой миссии: заниматься тайной человека. Результатом этого служения стало уникальное, опережающее психологию и философию конца XIX в., проникновение Достоевского в загадочный мир человеческой души. По сути, в романе «Братья Карамазовы» задуманная антроподицея становится теодицеей, то есть оправданием, по-прежнему не лишенным напряженных противоречий и открытых вопросов, и оправданием в большей мере Христа, чем Бога. Как и для Б. Паскаля, человек в понимании Достоевского – это бездна противоречий, и он смотрит на него в духе сострадающего, а вместе с тем беспощадного наблюдателя. Для Достоевского высшей степенью выражения этого сострадания ко всем людям стала христианская вера, которую он, как и А. Мандзони, воспринимал как великое «мучение», посланное Богом. Только в вере во Христа страдание сохраняет свое абсолютное значение; у Бога находится оправдание также свойственным человеку желанием счастья и вечной свободы. Оставаясь с Христом, человек остается со страданием, и наоборот. Поэтому антиномия страдания оказывается и сугубо христианской: вера обещает финальное избавление от всех страданий и в то же время дарует величие всякому страданию, насущному и прошлому. Это важно для человека в той же мере, как важны надежда и чаяние абсолютного счастья. Противостояние этих двух желаний обозначается как «эсхатологический антиномизм».

С образом Христа неразрывен и вопрос о человеческом сострадании в поиске истины. Контекст темы страдания в проведенном анализе включает в себя широкий ряд проблем. В частности, проблема страдания в болезни и старости, страдание детей, центральная дилемма в переживаниях героев Достоевского: действительно ли все человеческие страдания – «божественные»? Ключ к пониманию концепции спасения у Достоевского может быть найден в словах Дмитрия Карамазова, обращенных к Алёше: «Красота – это страшная и ужасная вещь! <...> Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (14, 100). Эта загадочная красота есть слияние двух бездн: красоты Содомы и красоты Мадонны. Перед человеком стоит самая сложная задача – суметь

отличить одну от другой. Это и есть единственный его путь к спасению. При этом путь постижения Бога лежит на пересечении веры и анализа.

У романов Достоевского проблема отношения веры и разума сопряжена также с неизбежной альтернативой Христа и атеизма. Однако «вне Христа нет надежды», и образованный силлогизм, «средний термин» которого – надежда, показывает, что истина и надежда едины и неразделимы. Вера в сущности своей заключает веру в жизнь, в действительное принятие жизни, а следовательно, утверждает истинность спасения для каждого верующего. Радикальное противопоставление одного другому (вера и разум) для Достоевского неприемлемо: его выбором становится вера в высший разум надежды: то есть, в итоге, вера в апофатический логос надежды и сострадания, молчаливый Логос, воплощенный в молчаливом Иисусе Поэмы о Великом инквизиторе, вера в высший божественный пафос. В этом сквозь «тусклое стекло» видно также наследие Просвещения, и это представляет собой еще один повод для сравнения с А. Мандзони.

Последний роман русского писателя рассматривается как произведение, в кульминационной философской форме содержащее основной итог предпринятого Достоевским на протяжении всего творческого пути поиска воплощения «славы Бога в человеке». Для автора в достижении цели теодицеи было важно следовать определенным этапам, и содержание романа представляет модель человеческого пути к свету Христа через пути сомнения и искус свободы. Образ Ивана Карамазова формулирует экзистенциальный вопрос о смысле страдания и о личном выборе человека, оправданном стремлением избежать этого страдания. В тройном отказе Ивана от спасения находит отражение вся суть проблемы искупления и творения в религиозной антропологии «Братьев Карамазовых». На каждом этапе отказа Ивана отмечается присутствие христианского и атеистического начал. Иван отрекается от человеческого прогресса вне всеобщего и телесного воскресения, от вечного ада и от вечной гармонии. Отвергая гармонию, Иван не принимает светлую вселенскую ответственность за общечеловеческую боль, которую несут в себе такие герои, как Маркел, Зосима, Илюша и Алёша. Страдание за вину и сострадание Ивана одиночны, самонадеянны и тем безнадежны. Здесь, как и ранее, когда писатель предпочитает скорее остаться «с Христом, чем с истиной», Достоевский использует курсив, дабы подчеркнуть, что Иван желает остаться с *неискупленным страданием*, нежели с Христом. Данное совпадение отнюдь не рассматривается как случайное.

Целесообразно говорить, что «Братья Карамазовы» в большей степени есть роман «об ответственности» героев, а не «о вине». Тень вины в равной мере падает на всех героев. В каком-то смысле Достоевский обращается к чистому христианству, в котором

вина и следующее за ней искупление не имеют веса; это в свою очередь подводит к двум горизонтам теозиса (обожения) в восточной и западной традициях христианства, от отцов церкви до святого Франциска. «Бог стал Человеком, чтобы человек стал богом», – это святоотеческое слово и аксиому восточного христианского богословия не случайно цитируют Алёша и Иван Карамазовы. Боговоплощение Христа дано не во искупление, но прежде всего как завершение творения мира; даже если бы человек не был грешен, Бог все равно бы воплотился в нем (Блаженный Иоанн Дунс Скот «Почему Бог стал человеком»). На проблеме ответственности за себя и за других сосредоточено основное напряжение романа. В метафизическом смысле невозможность Ивана поверить в прощение, а также допустить прощение самого себя приводит читателя к осознанию невозможности равновесия между памятью и прощением в человеческом сознании, то есть – к одной из фундаментальных антиномий в религиозной концепции Ф. М. Достоевского.

Во второй главе «Феномен искупления в романной поэтике “Обрученных” А. Мандзони и “Братьев Карамазовых” Ф. М. Достоевского: типологическое своеобразие и генетические связи» на основе анализа текстов двух романов и некоторых сопутствующих источников исследуется своеобразие раскрытия темы искупления, занимающей одно из центральных мест в художественном наследии русского и итальянского писателей. Выделяются ключевые типологические сходства в образно-сюжетной организации романов, которые, с одной стороны, могут быть истолкованы как характерные мотивы европейского романа XIX века в целом, с другой стороны – позволяют говорить об определенных (с большей вероятностью, казуальных) совпадениях в поэтическом строе двух произведений.

В первом параграфе «Мотив присутствия Божественного Провидения в романах А. Мандзони и Ф. М. Достоевского» отправной точкой анализа является с очевидным своеобразием свойственное обоим авторам введение мотива присутствия Божественного Провидения, который, однако, даже в рамках одного романа может обретать разное сущностное наполнение, представлять в обличии персонифицированном и абстрактном, претерпевать изменения, проходя сквозь внутренний мир героя.

В художественном мире Достоевского Провидение, если не сливается всецело с образом Христа, присутствующем в окружении героев или чаще – в их диалогах, непременно несет в себе печать величайшей тайны, сокрытой от глаз, недоступной для логического понимания, и является важнейшим проводником души к спасению. Спасительными в данном контексте становятся земные страдания, посланные грешнику во избавление от вечной посмертной муки. Примером героя, ведомого Провидением,

можно считать Дмитрия Карамазова: начертанный перед ним путь искупления открывает герою высшую христианскую милость – возможность страдать за всех, «потому что все за всех виноваты». «...Пострадать хочу и страданием очищусь!» – Дмитрий осознанно принимает посланный Провидением крест страданий, и этот выбор Достоевский сопровождает откровением героя, в котором «воскрес новый человек». Более детальный анализ показывает, что тема Провидения у Достоевского всегда так или иначе выводит к проблеме спасения и бессмертия души; вхождение в эту область происходит в героях через принятие Христа, в виде внутреннего (тайного) диалога с Провидением.

В поэтике Мандзони можно наблюдать некое развитие в авторской концепции Божественного Провидения. В его поэзии и особенно трагедии «Адельгиз» роль Провидения представлена в духе «provvida sventura», посланного свыше злоключения и страдания героев, что, в свою очередь, коррелирует с тем отношением, которое Провидение и страдание носит в поэтике Достоевского. Роман «Обрученные» называют «эпопеей Провидения» (А. Момильано), поскольку Божественной воле как движителю истории в произведении отведена одна из центральных партий. Однако, как и у Достоевского, действия Провидения в «Обрученных» столь же незримы (*Deus absconditus*), лишены попыток рационализации и всякой рефлексии со стороны автора (рассказчик никогда не упоминает слова «Провидение»).

Провидение носит ускользающий и изменчивый характер, то совпадая с волей случая, то воплощаясь в желаниях и мольбах героев. Содержание понятия эволюционирует уже в сознании персонажей по мере того, как они преодолевают выпавшие на их долю трудности. Так, в репликах Ренцо обращение к Проведению чаще всего соответствует значению «судьбы», «непредсказуемого случая» и приобретает религиозный оттенок только в ситуации тяжелых испытаний в виде присутствия Бога рядом с человеком страдающим и нуждающимся в защите. Дон Аббондио своим пониманием Провидения обнажает все безвредное малодушие и маловерие своей натуры, эгоистично призывая высшие силы внимать его несчастьям, служить его прихотям. Для Лючии Провидение есть истинное воплощение Божьей воли, коей она всецело веряется. Фра Кристофоро так же свойственно видеть в ходе событий знаки Божьего покровительства, однако развитие романа наглядно демонстрирует, что реальный ход истории и чаяния верующих героев вовсе не всегда совпадают, и на долю праведников подчас выпадают разочарования и страдания не меньшие, чем те, что настигают великих грешников. При этом кульминационным раскрытием роли Провидения в романе Мандзони следует считать завуалированное присутствие Божьего гласа в самых сокровенных мыслях героев, в воспоминаниях, которые являются им в критические

моменты жизненного пути. В данном случае проводником Провидения выступает память человека.

Общими мотивами в сознании героев Достоевского и Мандзони выступает непостижимость замыслов Божественного Провидения (столкновение с этой тайной для таких героев, как Алеша, уже само по себе становится испытанием) и изображения мира как храма Божьего, открытого равно как для верующих, так и для заблудших душ. В проблематике Достоевского на первый план выходит вопрос о спасении. Присущая Мандзони «персонификация» Провидения в историческом контексте утрачивает свою необходимость, поскольку истинность Бога едино оправдывает добро и зло. И оправдание это свершается как личностное открытие в душе героя, в то время как у Мандзони речь идет об оправдании событий истории в широком смысле. В этом и заключается *историческая* по сути своей проблема Провидения в романе Мандзони, и философская проблема спасения в романе Достоевского.

Второй параграф «Сюжетная ситуация встречи “грешника” и “праведника”» посвящен разбору конкретных сюжетных совпадений и их особенностей в романах Ф.М. Достоевского и А. Мандзони. Рассматриваются особенности воплощения сюжетной ситуации встречи грешника и святого и духовного переворота героя, а также роль святого подвижника и невинной души в совершении этого переворота.

Из романа «Обрученные» в качестве примера анализируется эпизод встречи Безымённого с кардиналом Борромео. Безымённый получает духовную поддержку служителя церкви после душевного переворота, толчком к которому стала встреча с воплощением невинности и веры – с Люцией. У Достоевского встреча старца Зосимы с членами семьи Карамазовых и его непонятное для всех, кроме Алёши, поведение (поклон будущему страданию Дмитрия) – это отправная точка развития сюжета, прежде чем каждый из героев пойдет по собственному пути страдания. Для Дмитрия это будет и путь преображения, на котором важная роль отведена его младшему брату Алексею, с юных лет стыдливому, кроткому и добродетельному. Безусловно, Дмитрия Карамазова нельзя назвать злодеем, подобным Безымённому, властному и страстному романтическому герою Мандзони, однако страсти, кипящие в герое Достоевского, также влекут его к гибели души. Милость Божьего покровительства и покровительства человеческого в лице Алёши открывают перед Дмитрием путь искупления всеобщей вины, путь к спасению.

Роман Достоевского представляет более широкое поле для герменевтики, чем роман Мандзони. Смысл встречи Зосимы с Карамазовыми долгое время остается неясным, и свет на него проливают лишь те откровения, что братья позже поверяют Алексею. Можно заметить, что в герменевтическом плане роман «Братья Карамазовы»

пересекается с организацией библейского текста, где каждый текст становится ясным только посредством взаимосвязи с другим, в сути своего отражения в другом тексте при единстве пространственно-временного измерения. Неверие Карамазовых в Зосиму является, прежде всего, их неверием в любовь как таковую. Страх и тяжесть вины наряду с укоренившейся обидой мешает им принимать самих себя перед глазами мира. Последняя надежда отца и двух братьев единодушно обращена к Алёше, который единственный из всех не маскирует своей обиды в «метафизические» обличия, как Иван, или в комедийную нелепость, как Карамазов-отец и Дмитрий, которому Зосима предсказывает путь великого страдания. Исповедь героев в конечном счете и является завуалированным толкованием встречи с Зосимой.

В третьем параграфе «Сюжет об исправившемся грешнике (“грешном святом”)» исследуются образные пересечения в сюжетной канве двух романов. Объектами анализа становятся герой «Обрученных» фра Кристофоро и отец Зосима из романа «Братья Карамазовы». Невозможно не заметить особую «симметрию» между сюжетными линиями судеб двух героев. В то же время в событиях их мирского пути, который одинаков и ведет героев к Богу, отмечаются значимые расхождения. Зосима, рискуя жизнью, ждет, чтобы противник выстрелил первым, и затем, в ночных размышлениях, явленных в форме откровения, принимает судьбоносное решение: бросает пистолет и просит у противника прощения. Фра Кристофоро, ослепленный страстями, не успевает принять подобного решения и совершает ужасное преступление. Его душа переживает тогда гнев Бога Живого и преображается. С одной стороны, мы замечаем следы восточного оптимизма по поводу природы человека у Достоевского, с другой – радикальный оптимизм относительно благодати Божьей у Мандзони.

В контексте жизни фра Кристофоро и Зосимы после обращения особого внимания заслуживают обстоятельства смерти двух праведников и тот резонанс, который обретают эти события в духовном мире других героев. В данном случае можно провести параллель между гибелью фра Кристофоро от чумы (что вызывает в мыслях главных героев невольное роптание на несправедливость Проведения) и загадкой «тлетворного духа» отца Зосимы у Достоевского. В равной мере эти повороты сюжета призваны испытывать веру не только героев романа, но и читателя, поскольку авторы не дают ответов на поставленные вопросы. Тем не менее отмечается, что принятие смерти своего духовного наставника для действующих лиц обоих произведений является символическим явлением, важным этапом на пути укрепления веры. При этом у Достоевского очевидно показано, как данное испытание под силу выдержать далеко не всем: если Алёша его преодолевает, разделяя посмертное страдание Зосимы и просветляясь в вере, то общество

остаётся на темной стороне шаткой веры, граничащей с отголосками языческих предрассудков. По сути, отношение всех героев к Зосиме в художественном решении автора является индикатором их истинной веры. Символическая нагрузка завершения жизненного пути двух праведных героев в некотором смысле даже глубже, чем идея ношения ими в себе людской вины и греха; объективная истина так или иначе торжествует, но явлена она уже не для умирающего, а в сознании тех, для кого смерть воспринимается фактом свершившимся, т.е. героев (например, сон Алёши, в котором он видит старца Зосиму в Кане Галилейской на пиру у Господа) или читателей.

В четвертом параграфе «Пути искупления и “вера в сказанное сердцем”» феномен искупления в поэтике Ф.М. Достоевского и А. Мандзони рассматривается не только как проблема литературного, но и общехристианского мировоззренческого контекста; освещаются этапы формирования представлений человека об искуплении.

У Достоевского философия искупления фактически совпадает с философией спасения, и потому справедливо вновь более подробно говорить об отношении между верой и знанием, Христом и истиной, виной и памятью, телесным и умозрительным. Большой интерес для данного исследования представляет именно художественная форма раскрытия проблемы, которой зачастую присуще изображение Божественного присутствия, касание отдельных религиозных тем и понятий в универсальном ключе, всегда преломляющемся через внутренний мир героя. В диалогах Достоевского объектом экзегезы становятся не межконфессиональные pro et contra, а пути покаяния, страдания и прощения. Как и у Мандзони, у Достоевского страдание предшествует принятию Божественной воли (преодоление страдания). Прощение даруется человеку Божьей благодатью, чувствами радости и любви. Как такового акта прощения у Достоевского почти нет, вероятно, потому, что от него избавляет торжество Божьей Любви. Искупление, по Достоевскому, носит характер не только глубинного личностного переворота, но и всеобщей участной ответственности, итогом которой может стать страдание невинного за грехи других, потому что ответственность всегда лежит на всех. У Мандзони в эпизоде выхода Безымённого от кардинала после свершения окончательного обращения к Богу в его душе у всех обывателей, ожидающих на площади встречи с кардиналом, обнаруживается необъяснимая, безотчетная радость, словно неосознанно они чувствуют пополнение в Христовом воинстве.

В исследовании показано, как вина и сопутствующее ей следом искупление преодолеваются, но не отрицаются в прославлении Христа. Отношение между прославлением как финальной картиной спасения и памятью становятся истинной дилеммой человеческого сознания. Символом их единения является образ Христа,

воскресшего как умилоствление за грехи мира, но несущего на себе вечные раны искупительного страдания. Толкование этого символа в духе «касания мирам иным» открывает, с одной стороны, истину Зосимы о вселенской ответственности каждого за всех и всеобщей вине; с другой стороны – тот образ Христа, что является перед Великим инквизитором. Это образ, вмещающий в себя ответственность за весь груз человеческих злодеяний, невыносимый для сознания отдельно взятого человека. Поцелуй Христа, предназначенный Великому инквизитору – это в то же время поцелуй для автора поэмы, Ивана, означающий всепонимающее проникновение Бога в сознание человека. Таким образом, Достоевский представляет взаимодействие двух главных образов: *человека* (отца Зосимы) и *Богочеловека* (Христа). Первый идет к своему кресту через аскезу (т.е. христианский Эрос), по-христиански праведно указывая на ответственность каждого не только за свою, но и за чужую вину. Второй вновь спускается с креста, чтобы в акте деятельной Любви (Агапе) внять мыслям, тревожащим человека, но на этот раз – не с Небес к своему Кресту, а от Креста своего Искупления, Воскресения и Прославления – на землю, к душе человеческой.

В заключении подведены основные итоги и намечены перспективные направления дальнейших исследований по теме диссертации.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии:

- 1) *Капилуни С. М.* Провидение и катастрофа в европейском романе: Мандзони и Достоевский, Издательство Алетейя, Санкт-Петербург, 2018. ISBN 978-5-906980-92-2. Тираж 1000 экз. (13 п.л.).
- 2) *Капилуни С. М.* «Трагический оптимизм» Христианства и проблема спасения: Ф. М. Достоевский, Издательство Алетейя, Санкт-Петербург, 2014. ISBN: 978-5-91419-797-8. Тираж 1000 экз. (13 п. л.).

Статьи в изданиях из Перечня ВАК:

- 1) *Капилуни С. М.* Достоевский и христианство: новые итоги исследования / Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017 г. С. 136-144. ISSN 1819-2777. (0,5 п. л.).
- 2) *Капилуни С. М.* «Трагический оптимизм» Христианства и художественная литература: от Данте и Шекспира до Ф. М. Достоевского / Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012 г. Вып. 13. С. 171-179. ISSN: 1819-2777. (0,6 п. л.).

Другие издания:

- 1) *Капилуни С. М.* Рецепция и осмысление творчества А. Манзони в России и пути его возможного влияния на творчество Ф. М. Достоевского / *Ricerche Slavistiche*. Roma, 2017. Vol. 15 (LXI). P. 25-45. ISSN 0391-4127 (0,75 п. л.).
- 2) *Капилуни С. М.* Завершенность человеческой судьбы как тема, объединяющая противоположные поэтики А. Манзони и Ф. М. Достоевского / Международная научно-практическая конференция с международным участием «Номо Локуенс: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира». 6-7 апреля 2017 г.: Сборник материалов докладов и сообщений: Электронное научное издание. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 49-61. ISBN 978-5-88812-834-3. (0,5 п. л.).
- 3) *Капилуни С. М.* Мотив присутствия божественного провидения в романах А. Манзони и Ф. М. Достоевского: «Братья Карамазовы» как теодицея VS провидение? / Русский логос: горизонты осмысления: Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. СПб.: Интерсоцис, Изд-во РХГА, 2017. Т. 2. С. 142-154. ISBN 978-5-88812-858-9. (0,6 п. л.).
- 4) *Капилуни С. М.* Романтические основания реализма и духовные истоки прозы А. Манзони на фоне сравнения с «трагизмом» Ф.М. Достоевского и Дж. Леопарди / Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3 (3). С. 91-103. ISSN 2541-8831. (0,8 п. л.).
- 5) *Капилуни С. М., Силантьева М.* Экзистенциальный реализм в литературе, философии и культуре XIX-начала XX вв.: рецепция традиции (А. Манзони, Ф. М. Достоевский и Н. А. Бердяев) / *Ricerche Slavistiche*. Roma, 2015. Vol. 13 (59). P. 129-152, ISSN: 0391-4127, (0,8 п. л.).
- 6) *Капилуни С. М.* Свобода и власть в творчестве Достоевского / Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества / Под ред. О.Д. Шипунова. СПб.: Изд-во СПбПУ им. Петра Великого, 2015. С. 236-243. ISBN: 978-5-7422-5020-3, 28-31.10. (0,5 п. л.).
- 7) *Капилуни С. М.* Ф. М. Достоевский и А. Манзони в духовном горизонте доконстантиновского «идеала» // Токарева Е. С., Талалай М. Г., Милано А. Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. М.: Алетейя, 2014. С. 150-159. ISBN: 978-5-94067-395-8, (0,6 п. л.).